

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–30

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–30

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

Научная статья
УДК 316.4

Социальные страхи и счастье: дуальность в формировании отложенных моделей счастья

С. Б. Абрамова[✉], М. В. Валеева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института, s.b.abramova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

Валеева Марина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник «Лаборатории наукометрии»; доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института, m.v.shcherbakova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Аннотация. Социологический подход к изучению счастья позволяет включить социокультурные факторы в предметное поле фелицитарных исследований. Рассмотрение счастья как многоуровневого и динамичного феномена позволяет поставить вопрос о его нелинейности и темпоральности. В статье выдвигается гипотеза о влиянии социальных страхов и уровня субъективной самооценки счастья на формирование моделей отложенного счастья. В основу положены результаты социологического опроса жителей городов России 18–60 лет (n = 1170). Построена типология опрошенных по эмоциональному состоянию, выделены пять типов по доминирующим эмоциям. Описан репертуар социальных страхов и частота их проявления, показана взаимосвязь с эмоциональным типом и оценкой уровня счастья. Поколенческий подход позволил зафиксировать точки различия в проявленности эмоций, страхов и откладывании счастья у представителей трех поколенческих групп. Зафиксирована более высокая выраженность признаков отложенного счастья у молодого поколения. Доказано влияние социальных страхов на формирование отложенного счастья. Поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, их дуализм раскрывает динамичность через появление моделей откладывания счастья.

Ключевые слова: отложенное счастье, социальные страхи, поколение, благополучие, фелицитарные эмоции, динамичность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российской научного фонда № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Валеева М. В. Социальные страхи и счастье: дуальность в формировании отложенных моделей счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–30. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models

С. Б. Абрамова[✉], М. В. Валеева

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Sofya B. Abramova, s.b.abramova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

Marina V. Valeeva, m.v.shcherbakova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Abstract. The sociological approach to the study of happiness makes it possible to include sociocultural factors in the subject field of felicity research. Considering happiness as a multi-level and dynamic phenomenon allows us to raise the question of its nonlinearity and temporality. The article puts forward the hypothesis about the influence of social fears and the level of subjective self-esteem of happiness on the formation of models of delayed happiness. The article is based on the results of the sociological survey of the residents of Russian cities aged 18–60 (n = 1170). The typology of the respondents was constructed on the basis of their emotional state, and five types were identified on the basis of their dominant emotions. The repertoire of social fears and the frequency of their manifestation are described, the relationship with emotional type and assessment of the level of happiness is shown. The generational approach made it possible to record the points of difference in the manifestation of emotions, fears and postponement of happiness among representatives of three generational groups. A higher severity of signs of delayed happiness was recorded in the younger generation. The influence of social fears on the formation of delayed happiness was proved. As the feeling of fear represses felicity emotions, their dualism reveals dynamism through the emergence of patterns of postponing happiness.

Keywords: delayed happiness, social fears, generation, well-being, felicity emotions, dynamism

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation No. 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

For citation: Abramova S. B., Valeeva M. V. Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение феномена счастья выступает одним из наиболее популярных и востребованных исследовательских направлений в течение последних десятилетий, хотя в истории научной мысли интерес к данной категории проявлялся в работах авторов разных периодов: многие представители философской (Аристотель, Платон, Сократ, К. Ясперс и пр.) и социологической мысли (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ж. Бодрийяр и пр.) затрагивали в своих трудах тему счастья.

Сегодня исследования счастья все чаще носят междисциплинарный характер, в основе которого лежат представления о структуре и факторах счастья, включающих в себя субъективные и объективные компоненты. Несмотря на то, что предметное поле изучения счастья различно, авторы смежных научных направлений сходятся на том, что счастье связано с ощущением внутреннего удовлетворения различными аспектами своей жизни, оно основано на субъективном состоянии индивида и переживается индивидуально, однако нельзя не брать во внимание его социальный характер, так как на счастье влияет ряд внутренних факторов и внешних обстоятельств. Помимо этого, представления индивида о счастье не могут формироваться вне культурного и социального контекста.

Социологический подход к счастью позволяет интегрировать различные трактовки, определив счастье как доминирующую направленность группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер, проявляется в высокой степени удовлетворенности своей деятельностью, условиями и образом жизни [1]. Кроме того, как подчеркивает Е. Н. Новоселова, преимущество социологии заключается в том, что в рамках этой дисциплины счастье исследуется эмпирическими методами (в отличие, например, от философии) [2, с. 46].

Социологический дискурс в рамках изучения феномена счастья формируется вокруг таких аспектов, как показатели счастья, факторы формирования, проблемы неравенства

счастья в социальных группах, возможность развития «общества счастья» [3]. Всемирный доклад о счастье 2024 г. фиксирует рост глобального неравенства счастья [4]. Так, сильное различие рейтингов счастья проявляется в поколенческих группах, однако в разных странах тренды могут отличаться: в ряде стран более счастливы старшие возрастные группы (США, Канада), в других – более молодые (Центральная и Восточная Европа). Оценки жизни растут с возрастом у представителей старших поколений (бумеры и их предшественники) и падают с возрастом у представителей младших поколений (миллениалы и поколение Z). Одновременно с этим в большинстве регионов мира отрицательные эмоции встречаются чаще, чем в 2006–2010 гг.

Целью работы выступает теоретико-методологическое рассмотрение и эмпирический анализ отложенных моделей счастья у различных поколений, формирующихся под воздействием представлений о счастье и социальных страхов.

Теоретический анализ

Категория «счастье» достаточно активно изучается исследователями, и в литературе можно встретить множество трактовок данного понятия, однако дать обобщенное определение достаточно сложно. Сегодня «счастье» – это плюралистический термин: он по-разному определяется в зависимости от контекста, в котором используется, и научного подхода (психологического, экономического, педагогического и пр.) [5]. Социологический подход включает в себя разнообразные критерии оценки аспектов социальной реальности и субъективного самочувствия. Зачастую исследователи анализируют понятие «счастье» в связке с такими категориями, как «благополучие», «удовлетворенность жизнью», «качество жизни» [6].

В свою очередь, «отложенное счастье» – относительно новый термин, который на данный момент мало представлен в научной литературе. Сегодня чаще рассматривается «синдром отложенной жизни» (термин В. П. Серкина [7, с. 114]), согласно которому человек откла-

дывает исполнение желаний и потребностей и не считает свою жизнь в актуальный момент ценной. Модель отложенного счастья основывается на наличии у индивида представления об определенном событии в будущем, после которого его жизнь и субъективное ощущение благополучия существенно изменятся к лучшему. Согласно подходу Н. Пирт, отложенное счастье основывается на восприятии успеха как конечной цели, когда награда доступна только после полного достижения успехов в карьере и отношениях, а повседневная жизнь выстраивается по строгому списку дел, необходимых для достижения счастья [8].

Формирование моделей откладывания счастья может происходить под влиянием ряда факторов, связанных с экономическими, социально-политическими, экологическими и иными объективными условиями, с одной стороны, и субъективными и личностными процессами, с другой. Ключевой интерес нашего проекта связан с выделением диалектичности счастья и социальных страхов и опирается на две базовые идеи.

Во-первых, современные подходы к пониманию счастья рассматривают его как многоуровневое явление. Например, в «теории луковицы» J. Czapíński и G. Peeters счастье включает три сложных слоя: ядро (желание и воля к жизни), средний слой (удовлетворенность и самопринятие) и внешний слой (позитивный опыт и удовлетворенность жизнью) [9]. Это позволяет объединять биологический, психологический и социальный уровни счастья в их единстве и противоположности [10], а также ставить вопрос о неопределенности результата их взаимодействия, который может проявляться в том числе в формировании отложенных моделей счастья.

Одним из анализируемых факторов выступает система социальных страхов, так как чувство страха способно вытеснить фелицитарные эмоции. Страх – это базовая эмоция, которая вместе с другими существует в управлении поведения человека, оказывает влияние на удовлетворенность жизнью и представления о будущем. Социальные страхи определяются как производная от системы общественных отношений: они отражают положение индивидов и групп в системе общественных отношений и одновременно выражают отношение людей друг к другу, к своему положению и к различным общественным процессам [11, с. 45].

По мнению М. В. Чуркиной, под социальным страхом понимается состояние беспокойства, возникающее из-за несоответствия поведения ожиданиям и оценкам окружающих [12]. Следовательно, социальные страхи могут проявляться во всех слоях структуры счастья и выступать одновременно фактором и индикатором уровня напряженности, неудовлетворенности, качества жизни на определенном этапе личностного или социального развития.

Во-вторых, счастье выступает как динамичное образование, степень ощущения счастья является нестабильной [13, с. 4]. Счастье относится как к краткосрочным эмоциональным состояниям, так и к долгосрочным когнитивным оценкам. Это позволяет понять неодновременность изменения внешних факторов, субъективного ощущения благополучия и уровня счастья [14]. При этом счастье рассматривается как соотношение положительных и отрицательных эмоций, а сама динамичность получает отражение в выделении научных терминов. По мнению Д. Хейброна [15], счастливый человек – носитель положительных эмоций в текущем моменте и недавнем прошлом, а счастливая жизнь предполагает длительное и глубокое удовлетворение жизнью. Отсюда социальные страхи могут снижать сиюминутное ощущение счастья при общей высокой оценке удовлетворенности жизни, а также негативно сказываться на оценке различных сфер жизни, снижать чувство уверенности и др.

На основании этого можно заключить, что социальные страхи формируются под воздействием внешней среды, на фоне актуальных социальных проблем, связанных с обострением экономической ситуации, усилением напряженности, ростом заболеваемости, неопределенностью будущего. Также они могут быть связаны с внутренними причинами и формироваться в процессе социализации: например, страх не справиться с поставленными задачами, страхи одиночества, неодобрения и осуждения. Социальные страхи могут определяться поколенческими характеристиками и отражать актуальные интересы и проблемы людей разного возраста [16]. Однако вне зависимости от формы возникновения социальные страхи могут выступать как источник отложенного счастья, поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, а их дуализм позволяет раскрыть нелинейность и динамичность отложенного счастья.

Методика и результаты исследования

Для изучения взаимосвязи представлений о счастье, социальных страхов и отложенных моделей счастья у различных поколений было проведено социологическое исследование. Задачи предполагали анализ социальных страхов и выявление уровня счастья у представителей различных поколений, а также выделение роли социальных страхов как источника становления и развития отложенного счастья в поколенческих моделях.

Основой эмпирической базы послужили результаты опроса городских жителей в сентябре 2024 г. Опрошено 1170 человек в возрасте 18–60 лет методом онлайн-анкетирования. Был осуществлен квотный отбор с учетом следующих характеристик: тип населенного пункта, пол, возраст. Территориальное позиционирование выборки предполагало включение жителей столичных городов (Москва, Санкт-Петербург, 22,0% выборки), областного центра (Екатеринбург, 33,3% опрошенных), больших городов (20,5%), а также средних и малых городов Свердловской области (23,9%). Возрастные рамки объекта определены в соответствии с поколенческим подходом, исходя из теории В. Штрауса и Н. Хоува и ее концептуализации в отечественной науке [17]: поколение Z (18–24 лет) – 32,2%, поколение Y (25–40 лет) – 36,7%,

поколение X (41–60 лет) – 31,1%. Среди опрошенных 56,5% составили респонденты женского, 43,5% – мужского пола.

Как показали результаты опроса, среди жителей городов доминируют такие эмоции, как интерес к жизни, доброжелательность и оптимизм (45,1, 35,1 и 35,0% респондентов соответственно выбрали эти слова как наиболее точно отражающие их настроение в последнее время). Существенных различий в настроениях мужчин и женщин нет: только несколько чаще встречается тревога у женщин (36,5% в сравнении с 28,1% у мужчин). Но неодинаково эмоционально проявляют себя жители городов разного типа: общий тренд связан с нарастанием позитивных эмоций от столичных городов к малым. Так, доброжелательность испытывают 25,0% в Москве и Санкт-Петербурге, 34,6% в мегаполисе, 42,9% в больших и 38,6% в малых городах; оптимизм присущ 28,8, 35,4, 34,2 и 41,1% соответственно. Обратный тренд, связанный со снижением негативных эмоций в областных городах, менее выражен: тревога снижается с 39,2% в столицах до 30,0% в малых городах.

На основании сочетания выбранных эмоций построена типология опрошенных по эмоциональному состоянию (табл. 1). Представленность каждого типа в поколенческих группах имеет очень близкие значения, но при этом может отличаться вклад ведущих эмоций.

Таблица 1

Типология опрошенных по эмоциональному состоянию, %

Тип по эмоциональному состоянию	Эмоции	Показатель по поколенческим группам			Представленность в данном типе	Представленность по массиву
		18–24	25–40	41–60		
Оптимистичные (17,4)	Радость	30,5	21,5	18,6	42,2	23,5
	Оптимизм	30,5	35,6	39,1	98,5	35,0
	Интерес к жизни	42,4	46,3	46,6	77,5	45,1
Умиротворенные (30,6)	Доброжелательность	33,2	33,4	39,1	51,1	35,1
	Спокойствие	27,4	27,2	27,5	72,6	27,4
	Удовлетворенность жизнью	23,4	17,9	17,5	41,9	19,6
Раздраженные (4,8)	Злость	7,6	7,6	6,5	89,3	7,3
	Раздражение	17,1	15,5	15,4	51,8	16,0
Растерянные (16,5)	Растерянность	25,0	18,4	15,1	67,9	19,5
	Тревога	28,4	32,9	37,2	82,4	32,8
	Уныние	12,9	14,3	14,0	61,1	13,8
	Безразличие	17,1	14,6	8,6	23,3	13,5

Тип 1. Оптимистичные (17,4%). Основные эмоции – оптимизм, интерес к жизни, радость. Здесь практически нет выбравших безразличие, злость, растерянность, спокойствие, уныние, раздражение. Молодое поколение более склонно выбирать эмоцию радости, более старшее поколение чаще говорит об оптимизме.

Тип 2. Умиротворенные (30,6%). Доминирующие эмоции – доброжелательность, спокойствие и удовлетворенность жизнью. Здесь также крайне редко встречаются негативные эмоции раздражения, растерянности, злости и другие, но и реже, чем в типе 1, упоминаются оптимизм и интерес к жизни. Молодежь чаще выбирает позицию по удовлетворенности жизнью, а более старшие участники опроса – по доброжелательности.

Тип 3. Раздраженные (4,8%). Для этих горожан ведущими эмоциями выступают злость и раздражение. В этом типе совсем нет оптимизма и крайне редки позитивные проявления эмоций.

Тип 4. Растерянные (16,5%). Здесь основной эмоциональный фон связан с тревогой, растерянностью и унынием. Совсем не встречаются оптимизм, радость и удовлетворенность, но и выраженные негативные эмоции крайне редки. Молодые участники чаще испытывают растерянность и безразличие, а старшая возрастная группа – тревогу.

Тип 5. Противоречивые (30,7%). В эмоциональном состоянии этих участников проявляются разнонаправленные эмоции, их невозможно отнести к вышеуказанным типам.

Особое значение в эмоциональном состоянии человека уделяется страхам и тревогам. Конструктивисты в области социологии и психологии [18] связали эмоции с когнитивными процессами и оценкой ситуации. Страх наиболее часто оказывался связанным с неуверенностью, человек теряет способность к рациональному, инновационному, критическому мышлению: он испытывает страх при столкновении не только с негативными, но и с позитивными изменениями, что заставляет его избегать любых новшеств, инициатив, социальной активности и т. д.

Участники исследования достаточно часто испытывают страхи и опасения: 24,5% постоянно сталкиваются с этим чувством, 43,5% регулярно его испытывают, 27,4% сталкиваются редко (только 4,6% вообще не испытывали страх за последнее время). Молодежь подвержена более частому столкновению со страхами (средний показатель 3,61 по шкале от 1 до 6), чем среднее (3,55) и старшее поколение (3,25).

Выделенные эмоциональные типы коррелируют с проявленностью страхов (табл. 2). Реже всего испытывают страхи представители умиротворенного и оптимистичного типов (живут без страхов 17,9 и 12,3% соответственно); чаще всего сталкиваются со страхами и называют больше волнующих их страхов представители растерянного и противоречивого эмоционального типа (живут без страхов 1,0 и 4,2% соответственно).

Таблица 2

Соотношение типа по эмоциональному состоянию и интенсивности социальных страхов

Тип по эмоциональному состоянию	Средний показатель частоты страхов	Среднее число названных страхов	Доля не испытывающих страхов
Умиротворенные	2,74	2,71	17,9
Оптимистичные	2,85	2,81	12,3
Раздраженные	3,79	3,79	8,9
Растерянные	4,69	4,55	1,0
Противоречивые	3,85	3,77	4,2

Можно выделить три базовых уровня страхов [19]. На макроуровне страхи связаны с природными катаклизмами и техногенными катастрофами. На мезоуровне можно говорить о социальных страхах на национальном уровне – политические и экономические риски, межнациональные и межконфессиональные отношения и т. п. На микроуровне страхи имеют индивидуальный или групповой характер.

Репертуар социальных страхов, предложенных для оценки респондентам, включал 12 категорий, описывающих страхи всех трех уровней. Самым волнующим страхом является страх за здоровье свое или близких – во всех возрастных категориях он занял первое место в рейтинге. В лидирующую тройку социальных страхов современных горожан входят страх неопределенности (неизвестного будущего,

отсутствия планов) и страх потери (работы, друзей, привлекательности). Следует отметить, что молодые горожане отмечали больше страхов, чем другие возрастные группы (в среднем давали 3,9 ответов в сравнении с 3,5 в средней и 2,8 в старшей группах), что указывает на более сильное переживание молодым поколением страхов (табл. 3). Их наиболее сильно волнуют организационные страхи (не само-

реализоваться, не справиться с конкуренцией), страхи социального отвержения (одиночества, неодобрения) и страхи принимать важные решения. Поколение 41–60-летних сильнее других переживает за здоровье и опасается социальных кризисов. Среднее поколение оказывается в срединной позиции по выраженности страхов, но несколько ближе по показателям к молодежи, чем к старшему поколению.

Таблица 3

Репертуар социальных страхов представителей различных поколений, %

Категория социальных страхов	Поколение		
	18–24	25–40	41–60
Страх за здоровье (смерти, болезни своей или близких)	48,4	52,0	62,5
Страх неопределенности (неизвестного будущего, потери цели, неконтролируемых ситуаций)	45,5	40,3	29,1
Страхи потери (потерять работу, друзей, доход, внешнюю привлекательность)	42,1	36,8	26,7
Организационные страхи (не справиться с работой, не самореализоваться, проиграть в конкуренции)	42,4	36,3	17,0
Страхи социального отвержения (одиночества, получить отказ, неодобрения, равнодушия)	45,0	25,8	9,7
Страх социальных кризисов (экономических, политических)	15,5	30,3	34,5
Страх различных категорий людей (преступников, террористов, экстремистов, мигрантов и др.)	30,8	27,4	20,8
Страхи принимать важные решения (брать ответственность, выбирать работу, партнера)	35,8	27,4	12,9
Страхи публичности (проявлять свои чувства, отказывать людям, страхи конфликтов)	30,3	18,6	10,2
Системные страхи (преследования за убеждения, безработицы, коррупции, снижения уровня жизни)	18,4	20,5	14,6
Страх глобальных катастроф (экологических, пандемий, стихийных бедствий)	16,8	15,5	20,8
Страх быть счастливым (спугнуть счастье, вызвать зависть, страх новых ощущений и пр.)	11,6	11,2	8,4
Никакие страхи не присутствовали	7,4	8,4	12,9
Итого	390,0	350,5	280,1

Иерархичность структуры страхов у представителей разных эмоциональных типов достаточно схожа, ранги страхов в целом совпадают, однако имеют разную выраженность волях из-за разного среднего числа названных страхов в каждом типе.

Гипотеза основания исследования предполагает, что социальные страхи (частота переживания страхов, число переживаемых страхов) способны влиять на уровень субъективного и социального благополучия человека, вытесняя фелицитарные эмоции, снижая уровень счастья человека. В свою очередь, это может приводить к формированию моделей отложенного счастья,

когда одним из важных факторов наступления счастья воспринимается уменьшение интенсивности и числа испытываемых страхов.

Одной из актуальных задач исследований счастья выступает поиск системы индикаторов для измерения его наличия, уровня, устойчивости и т. д. Можно выделить два сложившихся пути решения данной задачи: первый связан с использованием понятий, имеющих более высокую разработанность в рамках социологического подхода (уровень жизни, качество жизни, удовлетворенность жизнью, материальное благосостояние, состояние здоровья и др.), второй – с поиском новых, уникальных индикаторов

(оптимизм, дружелюбие, юмор, самооценка счастья и пр.). К числу последних можно отнести и трактовку счастья как отсутствие депрессий и отрицательных эмоций (страха, тревожности и пр.) [20].

На прикладном уровне задача измерения счастья воплотилась в разработку различными исследовательскими коллективами индексов счастья. К числу наиболее известных можно отнести World database of happiness, The happy Planet Index, благодаря которым были получены значимые выводы о тенденциях и факторах изменения счастья в разных странах. В отечественной социологии с учетом мировых методик были разработаны Индекс благополучия россиян (Фонд «Общественное мнение»)¹, Индекс счастья (ВЦИОМ)² и др.

В нашем проекте уровень счастья замерялся на основании двух индикаторов, используемых в ряде методик. Во-первых, респондентам предлагалось расположить себя на воображаемой лестнице от наихудшей возможной для них жизни до наилучшей (шкала от 1 до 10). Средняя оценка составила 6,47 балла, при этом максимально высоко расположили себя 12,7% (выбрали ступень 9–10), максимально низко –

¹ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (дата обращения: 30.10.2024).

² Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-schastja> (дата обращения: 30.10.2024).

3,1% (выбрали ступень 1–2). Оценка своей жизни растет с возрастом (6,27 балла у молодых и 6,73 в старшей группе), с уменьшением размера населенного пункта (6,36 в столичных городах и в Екатеринбурге, 6,65 в малых городах), увеличивается с ростом материального положения (от 5,93 до 6,83).

Во-вторых, замерялась самооценка уровня счастья по шкале от 1 до 10, от «совсем несчастлив» до «очень счастлив». Средний показатель очень близок к предыдущему и составляет 6,86 балла. Очень счастливыми в настоящее время себя чувствуют 22,9% опрошенных (поставили 9–10 баллов своему ощущению счастья), крайне несчастливы 3,8% горожан. Респонденты молодого и среднего возраста в среднем чуть менее счастливы, чем более старшие участники (6,71, 6,72 и 7,16 балла соответственно).

Как влияют социальные страхи и эмоциональный тип на ощущение счастья? С целью выявления тесноты взаимосвязи проводился корреляционный анализ с расчетом коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи описывались коэффициентом линейной корреляции r -Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$). Обе переменные оказывают сильное влияние на уровень счастья: частота страхов сильнее коррелирует с оценкой своей жизни как наилучшей / наихудшей (табл. 4). При этом и эмоциональный тип, и уровень (частота) со-

Таблица 4

Корреляция типов по эмоциональному состоянию и частоты ощущения социальных страхов с индикаторами уровня счастья

Подгруппы	Лестница жизни*	Самооценка уровня счастья*
<i>Тип по эмоциональному состоянию</i>		
Оптимистичные	7,06	7,99
Умиротворенные	7,04	7,76
Раздраженные	5,64	5,39
Растерянные	5,38	5,33
Противоречивые	6,29	6,36
Значимость связи	-0,193**	-0,326**
<i>Частота ощущения страхов</i>		
Вообще не испытывают	6,74	7,89
Очень редко	6,83	7,57
1–2 раза в месяц	6,83	7,28
1–2 раза в неделю	6,27	6,51
3–4 раза в неделю	6,30	6,27
Постоянно	5,54	5,39
Значимость связи	-0,214**	-0,354**

Примечание. * – средние показатели; ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

циальных страхов имеют более значимую связь с субъективной оценкой текущего ощущения счастья, чем с оценкой жизни в целом.

Таким образом, первая часть гипотезы подтверждилась: социальные страхи действительно влияют на фелицитарный статус личности, снижая уровень субъективного ощущения счастья. Представители «оптимистичного» и «умиротворенного» типов с преобладанием позитивных эмоций ставят себя на шкале благополучности жизни на 1,5–2,0 ступени выше, чем люди с доминирующими негативными эмоциями («разраженный» и «растерянный» типы). Еще более выражена эта разница при оценке счастья, где разрыв составляет уже 2,5 балла.

Отложенное счастье в представляющем исследовании выступает в качестве феномена с наименее разработанной в научной практике системой индикаторов. В ходе анализа теоретического дискурса была сконструирована индикаторная модель, включающая в себя 14 показателей: 12 указывают на присутствие в образе жизни респондента признаков отложенного счастья (по данным индикаторам баллы суммируются), 2 – на отсутствие (баллы вычитаются). Каждый индикатор, сформулированный

в форме личных утверждений, респондент мог оценить по шкале от 1 до 7, где 1 означает полное несогласие с утверждением, 7 – полное согласие.

Результаты исследования демонстрируют, что ряд индикаторов получили выраженность выше средней (более 4 баллов) – прежде всего, они связаны со стремлением к целям в будущем, с необходимостью образования и развития личных качеств для полной уверенности в своих силах, с недостаточностью материальных условий для полного благополучия. Большинство опрошенных (59,6%) скорее / полностью согласны с утверждением, что после достижения одной цели сразу выбирают другую и ждут реализацию этого нового события. В наименьшей степени проявляются индикаторы, связанные с самооценкой своего психического состояния как недостаточного для счастья, с пренебрежением общением с близкими, с откладыванием гедонистических мероприятий. Представители разных поколений имеют очень близкие показатели по большинству индикаторов (табл. 5), однако могут проявляться и возрастные особенности, связанные со значимостью образовательных стратегий, материальных ресурсов и др.

Таблица 5

Показатели отложенного счастья у представителей различных поколений, средние значения (средний балл)

Индикаторы отложенного счастья	Показатель по поколениям		
	18–24	25–40	41–60
<i>Индикаторы присутствия отложенного счастья</i>			
Двигаюсь к своей цели, что-то для этого делаю	4,79	4,82	4,77
Важно еще подучиться, получить больше навыков, чтобы быть уверенным в себе	5,13	4,34	3,49
Не полностью развил свои личностные качества, надо больше разобраться в себе	4,71	4,38	3,48
За реализацией одного события определяю для себя следующее важное событие	4,22	4,12	4,01
Для достижения целей не хватает материальных условий	4,10	4,30	3,74
Успехи несколько меньше, чем у других людей	3,70	3,60	3,43
Часто сравниваю себя с другими людьми	4,03	3,47	3,05
Часто берегу купленные вещи, откладывая их	3,55	3,18	3,42
Часто испытываю желание поторопить время	3,13	3,10	2,40
Нужно отложить удовольствие и веселье сегодня, когда-нибудь все это оккупится	2,99	2,89	2,58
Пренебрегаю значимыми отношениями, но планирую наверстать упущенное в будущем	2,73	2,85	2,47
Нет моральных сил, не то психическое состояние, чтобы быть счастливым	2,41	2,56	2,00
<i>Индикаторы отсутствия отложенного счастья</i>			
Нужно сегодня наслаждаться жизнью в полной мере	5,31	5,63	5,58
Готов отказаться от планов, чем жертвовать важным	3,90	4,04	3,76

Сумма баллов по представленным индикаторам может изменяться от -2 (полное отсутствие признаков отложенного счастья) до +82 баллов (максимальный уровень). Был произведен расчет суммы баллов по отложенному счастью для каждого участника, на основании чего получена шкала от -2 до +73 баллов. Соответственно, представленные участники распределены по всей шкале и тем самым практически полностью закрывают теоретическую шкалу.

Далее были выделены нижние и верхние квартили, а средние показатели объединены в один тип: 24,1% опрошенных отнесены к наименьшему уровню проявленности отложенного счастья (от -2 до 23 баллов), 50,4% – к среднему уровню (24–41 балл) и 25,5% – к наиболее выраженному проявлению признаков отложенного счастья (42–73 балла).

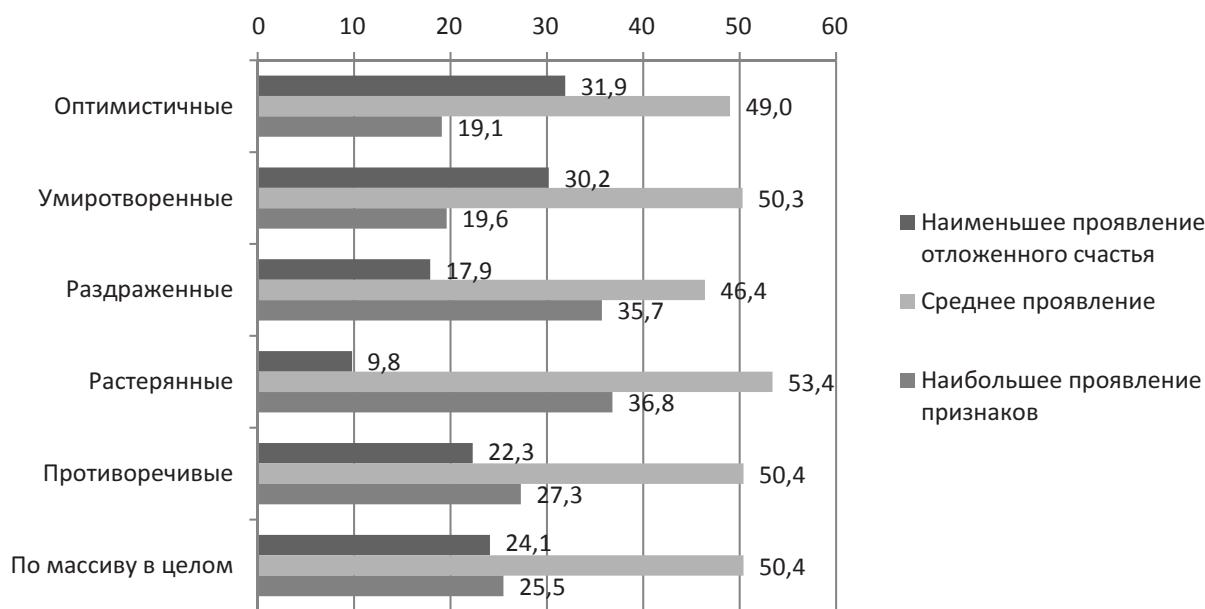
В ходе корреляционного анализа установлено, что доля мужчин возрастает от наименьшей выраженности отложенного счастья к наибольшей; жители мегаполисов имеют более высокие баллы по присутствию модели отложенного счастья; с возрастом снижается выраженность проявления признаков отложенного счастья.

Формирование модели отложенного счастья связано с откладыванием жизни «на потом». Большинство (61,3%) среди тех, кто демонстрирует слабую выраженность отложенного счастья, заявляют о полноте жизни, а 27,3% двигаются к полноценной жизни в будущем. Среди респондентов с высоким уровнем модели

отложенного счастья это соотношение обратное: 25,8% живут полной жизнью и 60,1% к ней только движутся.

Как взаимосвязаны страхи и отложенное счастье? С одной стороны, можно говорить о прямом влиянии через формирование чувства страха, связанного непосредственно со счастьем. Выше было показано, что 10,4% опрошенных боятся быть счастливыми. Несмотря на то, что это наименее выраженный страх в репертуаре социальных страхов участников исследования, важно подчеркнуть, что каждый десятый современный горожанин сталкивается со страхом возможных негативных последствий при возникновении / демонстрации чувства счастья. Прослеживается и противоположный страх: 43,5% опрошенных боятся не успеть побыть счастливыми, прожить недостаточно счастливую жизнь. Наиболее выражен этот страх у среднего возраста (51,1%).

С другой стороны, мы зафиксировали, что страхи и негативное эмоциональное состояние влияют на ощущение счастья и оценку благополучности жизни в данный момент, что может также побуждать откладывать счастье на будущее. Доля людей с наименьшим уровнем проявленности отложенного счастья увеличивается в эмоциональных типах с преобладанием положительных эмоций (рисунок): наивысшее значение у «оптимистичных» респондентов, наименьшее – у «растерянных». Аналогичным образом влияет частота социальных страхов: чем чаще человек их испытывает, тем сильнее проявляются признаки отложенного счастья.

Влияние типа по эмоциональному состоянию на уровень проявления индикаторов отложенного счастья, %

Заключение

Личностный и общественный запросы на счастье составляют один из наиболее устойчивых трендов в современном обществе, определяя множество государственных программ, экономических и социальных проектов развития, поддержку новаций в сфере бизнеса и пр. Проектирование «счастья сообщества» (групп и отдельных лиц) становится необъявленной, а иногда и декларируемой целью и эффективным инструментом городского развития.

В ходе нашего исследования был выделен малоизученный в социологии аспект отложенных моделей счастья. Новизна работы заключается в расширении теоретического понимания, теоретического моделирования и эмпирического знания о влиянии эмоционального состояния человека, в частности социальных страхов, на формирование отложенного счастья. Это позволило подтвердить гипотезы исследования, построить авторскую типологию жителей городов по эмоциональному состоянию, а также выявить взаимосвязь самооценки уровня счастья с проявленностью социальных страхов и склонности к откладыванию счастья. Сделанные выводы могут характеризоваться как типичные для современного российского общества, поскольку опрошенная совокупность презентует различные социально-демографические (в том числе поколенческие и территориальные) слои населения.

По результатам опроса сделаны выводы, что социальные страхи действительно оказывают отрицательное воздействие на социальное благополучие и счастье общества, ведут к снижению эмоционального равновесия, уменьшают адаптационный потенциал поколений. Страхи не только снижают качество жизни как отдельного человека, так и социальных групп и общностей, но и способствуют формированию моделей отложенного счастья, снижению восприятия ценности текущего момента и локальных событий. Поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, их дуализм позволяет раскрыть нелинейность и динамичность отложенного счастья.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в раскрытии нарративов восприятия представителями различных поколений феномена отложенного счастья, описании субъективных смыслов переживаемого опыта

формирования и преодоления установок на отложенное счастье, в выявлении стратегий минимизации рисков интенсификации социальных страхов и обманутых ожиданий.

Список литературы

1. Качур Н. В. Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44–48. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-4-44-48>
2. Новоселова Е. Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // Социология. 2017. № 2. С. 45–53. EDN: YXLUGD
3. Badawy R. K., Ettoaney S. M., Abdel Kader N. M. A. Design for community happiness – an approach and framework // Journal of Engineering and Applied Science. 2024. Vol. 71, № 104. <https://doi.org/110.1186/s44147-024-00440-8>
4. Helliwell J. F., Huang H., Shiplett H., Wang S. Happiness of the younger, the older, and those in between // World Happiness Report 2024. Chapter 2. URL: <https://world-happiness.report/ed/2024/happiness-of-the-younger-the-older-and-those-in-between/> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Kaczmarek L. D. Happiness // Encyclopedia of personality and individual differences / ed. by V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Cham : Springer, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_522-1
6. Троцук И. В., Королева К. И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманистические, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 57–62. <https://doi.org/10.23672/w3129-9969-0189-t>
7. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и «северный невроз» // Ученые записки кафедры психологии СМУ. Вып. 1. Магадан : Кордис, 2001. С. 113–118.
8. Peart N. Future Proofed: The New Rules of Success in Work & Life for Our Modern World. Scrivener Books, 2019. 218 р.
9. Czapiński J., Peeters G. The onion theory of happiness: Basic concepts and cross-cultural test // Contemporary issues in cross-cultural psychology / eds. N. Bleichrodt, P. J. D. Drenth. Amsterdam : Swets & Zeitlinger, 1991. Р. 196–216.
10. Левит Л. З. Личностно ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 102–111.
11. Баринов Д. Н. Страх как социальный феномен // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 39–48. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3236740>
12. Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества: тенденции проявления // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 6 (65). С. 268–274.

13. Булкина Н. А. О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).
14. Brockmann H., Delhey J. Introduction: The dynamics of happiness and the dynamics of happiness research // Social Indicators Research. 2010. Vol. 97. P. 1–5. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9561-3>
15. Haybron D. M. The pursuit of unhappiness: The elusive psychology of wellbeing. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. 357 p.
16. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг обществен-ного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>
17. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
18. Arnold M. B. Emotion and personality : in 2 vols. New York : Columbia University Press, 1960. Vol. 1. 288 p. Vol. 2. 402 p.
19. Abramova S. B., Antonova N. L., Campa R., Popova N. G. Digital fears experienced by young people in the age of technoscience // Changing Societies & Personalities. 2022. Vol. 6, no. 1. P. 56–78. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.163>
20. Аргайл М. Психология счастья : пер. с англ. М. : Прогресс. 1990. 332 с.

Поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024;
принята к публикации 03.12.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 03.12.2024; published 28.02.2025